

*ЛАРИН Андрей Борисович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва). Автор 60 научных публикаций, в т. ч. одной монографии (глава в коллективной монографии)**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4932-3997>

ПЕРИПЕТИИ СОГЛАСОВАННОГО КУРСА: РОССИЯ, БРИТАНИЯ И ПЕРСИДСКИЙ КРИЗИС 1911 года

Статья посвящена проблеме взаимодействия России и Великобритании по персидскому вопросу в 1911 году, когда в силу ряда внутренних и внешних факторов в Каджарском Иране развернулся серьезный внутривластный кризис, непосредственно отразившийся на международных отношениях на Среднем Востоке. В конце 1910 – начале 1911 года персидское правительство инициировало приглашение иностранных экспертов для приведения в порядок финансов страны. В результате достаточно сложного обсуждения между Петербургом, Лондоном и Тегераном было принято решение остановиться на американских специалистах во главе с финансовым советником У. Морганом Шустером, ранее уже занимавшимся подобной деятельностью на Филиппинах. Как показало будущее, этот выбор был неудачен: во многом именно подход У. Морган Шустера спровоцировал возникновение кризиса 1911 года и способствовал его углублению. Рассматриваются основные факторы возникновения кризиса, этапы его развития, роль в нем У. Морган Шустера, особенности политики Петербурга и Лондона в данном вопросе, различия подходов российской и британской дипломатии к разрешению конфликта. Показано, что в условиях существенной угрозы для сохранения Англо-русского соглашения 1907 года Министерство иностранных дел Великобритании (Форин Офис) в лице сэра Эдуарда Грея демонстрировало готовность идти на компромиссы в персидском вопросе, чтобы не допустить разрыва дипломатических отношений с Россией. Вместе с тем кризис наглядно показал, насколько хрупким был баланс позиций двух держав в регионе и как просто даже региональный конфликт может поставить под удар взаимоотношения двух держав, взятые в более широком контексте.

Ключевые слова: *персидский вопрос, Каджарский Иран, англо-русские дипломатические отношения, внешняя политика России, внешняя политика Великобритании, А.А. Нератов, Эдуард Грей, Уильям Морган Шустер.*

*Адрес: 119334, Москва, просп. Ленинский, д. 32а; e-mail: ab-larin@mail.ru

Для цитирования: Ларин А.Б. Перипетии согласованного курса: Россия, Британия и персидский кризис 1911 года // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. Т. 21, № 2. С. 11–19. DOI: 10.37482/2687-1505-V083

Почти столетнее противостояние России и Британии в Азии формально завершилось подписанием известной конвенции 1907 года, разграничившей сферы влияния двух держав в регионе. Англо-русское соглашение по Персии, Афганистану и Тибету было подписано в Петербурге 18 (31) августа 1907 года главой российского Министерства иностранных дел А.П. Извольским и британским послом А. Николсоном. Оно было призвано устранить основные противоречия между двумя великими державами и обеспечить возможность их взаимодействия и сближения в Европе (что было особенно актуально ввиду усиления Германии). Заключение данной конвенции создавало предпосылки для окончательного оформления союза России, Франции и Британии (Антанты) перед Первой мировой войной. Англо-русская конвенция 1907 года получила разнообразные оценки как современников, так и более поздних исследователей [1–5].

Однако, несмотря на подписание этого документа, в реальности процесс согласования взаимных интересов России и Британии был далек от завершения. В особенности это справедливо в отношении Каджарского Ирана – страны, которая была разделена на три сферы влияния: российскую, британскую и нейтральную (в отличие от Афганистана или Тибета, по которым были выработаны целостные решения). Имплементация соглашения в Персии оказалась далеко не простым процессом, поскольку на давние противоречия между Россией и Британией в рассматриваемый период наложилось и новые факторы – революционное движение в государстве Каджаров, а также активность на Среднем Востоке Германии и других держав [6].

В самой Персии начало XX века ознаменовалось бурными событиями, связанными с непростым процессом ее социально-политической модернизации. В 1905 году в стране началась конституционная революция, вызванная подъемом национально-демократических сил, недовольных архаической государственной системой, внутренними неустройствами и тяжелым

положением значительной части населения, доминирующим влиянием иностранных держав на экономику и политику Персии. В ходе революционных событий был созван меджлис и была принята конституция страны. Однако вступивший на престол в начале 1907 года Мохаммад Али-шах был резко антиконституционно настроен и, опираясь на Персидскую казачью бригаду, летом 1908 года разогнал меджлис. Это вызвало антишахское восстание, в результате которого в 1909 году повстанцы заняли Тегеран и низложили шаха, передав власть его малолетнему сыну Султану Ахмад-шаху, при котором учреждалось регентство. Все эти сложные процессы затрагивали интересы России и Британии в регионе и влияли на политику двух держав в государстве Каджаров.

Наглядной иллюстрацией всей сложности реализации русско-британского соглашения в этих условиях стали события 1911 года, который, в силу ряда факторов, оказался одним из наиболее непростых и насыщенных перед Первой мировой войной. Этот кризисный год продемонстрировал, с одной стороны, все трудности, с которыми сталкивались дипломаты в Лондоне, Петербурге и Тегеране при попытке действовать в русле подписанного Извольским и Николсоном соглашения, а с другой – убежденность британской стороны, в частности главы Министерства иностранных дел Великобритании (Форин Офис) Эдуарда Грея, в необходимости придерживаться соглашения 1907 года, несмотря на сопряженные с этим сложности, вызванные стремлением российской стороны блюсти собственные интересы в регионе. Анализу тактики и логики российской и британской дипломатии в событиях 1911 года в Персии посвящена настоящая статья.

В конце 1910 года тегеранское правительство принимает решение пригласить иностранных советников для приведения в порядок расстроенных финансов страны. Этот вопрос был не столько техническим, сколько политическим, поскольку необходимо было согласовать кандидатуры специалистов с Россией и Англией, которые весьма ревниво относились к деятельности

представителей третьих держав в Персии. При этом у тегеранского правительства были различные идеи относительно специалистов для разных министерств из европейских держав – Италии, Франции. Позиции России и Британии по этому вопросу несколько отличались. Россия была резко против специалистов из числа представителей великих держав. Позиция Британии была более мягкой. Так, сэр Эдуард Грей сообщал, что в случае приглашения иранцами советников из числа подданных великой державы Британия будет настаивать на своих советниках и «Россия, несомненно, поступит так же» [7, р. 750]. В целом согласованная позиция России и Британии состояла в том, что в качестве специалистов персидскому правительству лучше воспользоваться услугами подданных второстепенных держав. В конечном счете устроившим всех выбором оказались американцы, как подданные державы великой, но не европейской, что позволяло избежать сложностей [7, р. 751]. Глава российского Министерства иностранных дел С.Д. Сазонов воспринял идею позвать американцев без восторга, опасаясь, что это может быть расценено как прецедент другими великими державами [7, р. 752], однако британцы не увидели серьезных препятствий для приглашения американских экспертов [7, р. 752; 8, с. 12]. Документы показывают, что беспокойство в Петербурге вызывало возможное требование Германии также направить своих экспертов. Было решено, что «если немцы потребуют равного обращения, им всегда можно указать, что Соединенные Штаты не являются европейской великой державой и не имеют никаких политических или иных интересов в Персии» [7, р. 753]. В итоге Сазонов согласился.

Тегеранское правительство обратилось в Государственный департамент США с просьбой рекомендовать финансовых экспертов. В результате в Персию отправились 5 американских финансистов во главе с У. Морганом Шустером, уже имевшим опыт реорганизации таможен на Филиппинах.

Любопытно, что позже, в начале 1911 года, уже и английская сторона была обеспокоена

возможными трудностями в связи с приглашением американцев, однако было решено не сворачивать с избранного курса, поскольку дело зашло слишком далеко. Российский представитель в Тегеране – С.А. Поклевский-Козелл – придерживался того же мнения [7, р. 756]. Хотя еще в конце января 1911 года британский посол Дж. Бьюкенен писал Грею из Петербурга, что, по мнению Сазонова, приглашение американцев побудит Германию выдвинуть аналогичные требования назначить немцев [7, р. 754]. Во всяком случае, британская сторона была намного меньше обеспокоена американцами, нежели российская.

Так или иначе, Шустер с коллегами прибыли в Персию. Интересно, как Эдуард Грей высказался по этому поводу: «Если он хороший человек, этот шаг может действительно повысить шансы Персии встать на ноги, но я не завижусь его работе» [7, р. 761]. Прогноз главы Форин Офис оправдался в полной мере. Сразу по прибытии в Тегеран Шустер провел через меджлис законопроект, предоставивший ему самые широкие полномочия, фактически подчинивший ему все финансы страны. Поклевский-Козелл делал из этого вывод, что «старший из американских чиновников будет пользоваться гораздо большими правами, чем не только министр финансов, но и весь Кабинет министров» [8, с. 161]. Дальнейшая деятельность Шустера ознаменовалась рядом конфликтов с русской миссией и в итоге привела к полномасштабному политическому кризису внутри страны, равно как и к осложнениям в русско-иранских отношениях. В то же время на английского посланника Дж. Баркли Шустер произвел приятное впечатление, он отметил его «способность, серьезность и решимость» [7, р. 763]. В целом британская сторона в большей степени поддерживала американца.

Практически сразу после начала активной деятельности Шустера в Тегеране между ним и начальником таможен бельгийцем Морнармом возник конфликт. Шустер требовал для себя права контроля над поступлениями и расходами таможен, что Морнарм считал покушением на свои

власть и авторитет. Поводом к конфликту стало то, что Шахиншахский банк, созданный англичанами, отказался осуществить трансфер в русский Учетно-ссудный банк по чеку Морнара, т. к. на чеке не было резолюции Шустера. В этом конфликте российская сторона полностью поддержала Морнара. В то же время британская дипломатия заняла более нейтральную и дружественную по отношению к американцу позицию. Грей сообщал Бьюкенену в Петербург, что противостоять предложению Шустера означает уничтожить шанс внести некоторый порядок в персидские финансы, а последнее было бы выгодно и России, и Англии [7, р. 766]. В связи с этим Грей призывал Петербург к соблюдению нейтралитета в данном вопросе [7, р. 767]. Временно управляющий Министерством иностранных дел России А.А. Нератов, однако, придерживался иного мнения. Нератов писал русскому послу в Лондоне А.К. Бенкендорфу, что «Грей склоняется на сторону Шустера, которого поддерживает Барклай¹ (вопреки тому, что он говорил Поклевскому). <...> Мы согласились допустить приглашение Шустера и его сотрудников лишь из желания не обострять отношений с персидским правительством, и считая, что деятельность их будет ограничена ролью советников; предоставлять же им фактически полное распоряжение всеми финансами, а через то и вообще всеми делами страны, мы считаем безусловно опасным и потому совершенно недопустимым. В противном случае в Персии неизбежно возникло бы влияние третьей державы, устранение какового является одной из основ нашей совместной политики с Англией в этой стране» [9, л. 10–11 об.]. Он призывал Грея поддержать Морнара. Бьюкенен, в свою очередь, сообщил Нератову, что «по полученным от Барклая сведениям, между Морнаром и Шустером, будто бы уже намечается компромисс и что по мнению лондонского Кабинета, обеим миссиям следовало бы путем, каким они признают наиболее удобным, содействовать

улажению на месте означенного конфликта (орфография и пунктуация сохранены. – А.Л.)» [9, л. 14]. Впрочем, Поклевский-Козелл докладывал из Тегерана, что говорить о примирении сторон еще рано [9, л. 15]. Уже в деле Морнара мы видим расхождение позиций российских и британских дипломатов. Однако вскоре события приняли еще более драматичный для российско-британского соглашения 1907 года оборот.

Шустер решил организовать финансовую жандармерию для сбора налогов и поставить во главе структуры майора К.Б. Стокса – военного атташе при британской миссии на англо-индийской службе, известного своей антирусской позицией и близостью к иранским националистам. Стокс привлек Шустера своим знанием страны, персидского языка и опытом военной службы. Однако это назначение сразу же встретило решительное противодействие с российской стороны: назначение рассматривалось как нарушение конвенции 1907 года. Британцы смотрели на дело несколько иначе: так, заместитель министра Г.К. Норман писал на этот счет, что если с русской точки зрения выбор майора Стокса в высшей степени неудачен, то с общей точки зрения – напротив, удачен [3, р. 586]. Эдуард Грей полагал, что в случае назначения Стоксу следует подавить все свои антирусские чувства и проявлять беспристрастность по отношению ко всем нациям [7, р. 767].

Нератов, однако, настаивал, что «поступление Стокса на персидскую службу не замедлило бы произвести на наше (российское. – А.Л.) общественное мнение неблагоприятное впечатление и подать повод к нежелательным толкам о разногласии между русским и английским правительствами в персидских делах» [9, л. 20]. В связи с этим он интересовался, не может ли лондонский Кабинет повлиять на Стокса, с тем чтобы тот отказался от предлагаемой должности. В противном случае российская сторона была бы вынуждена искать для себя компенсацию, например – в виде требования

¹ Дж. Баркли. – А.Л.

пригласить российских офицеров для реорганизации иранской армии.

Однако Бьюкенен, в свою очередь, передавал Нератову, что лондонский Кабинет не имеет возможности на законном основании помешать поступлению Стокса (после его отставки) на персидскую службу. В Лондоне полагали, что Петербург мог бы заявить персидскому правительству протест против поручения этому офицеру задачи формирования воинской части, которая будет действовать в российской сфере влияния, а Баркли будет предписано поддержать этот протест. Нератов считал эти меры недостаточными и бесцельными [9, л. 31].

Как передавал Поклевский в Петербург: «Вокруг Шустера тесным кольцом сгруппированы здешние корреспонденты “Таймса” и “Рейтера”, полковник Беддос и сотрудник “Сикля” Эрберт, которые, будучи сами крайними националистами, дают ему неверное освещение здешнего положения и толкают его на путь, следование по коему должно неминуемо привести его к кризису» [9, л. 39]. Он также сообщал, что «“Таймс” и “Рейтер” отказываются печатать посылаемые отсюда неблагоприятные для России известия». Более того, эти лица вместе с известным профессором-иранистом Э.Г. Брауном, одним из идейных вдохновителей Персидского комитета [10–12], намеревались развернуть в британской прессе антироссийскую кампанию, и источник Поклевского свидетельствовал, что Шустер был связан с ними [9, л. 39–39 об.].

Дело приняло серьезный оборот и стало вызывать беспокойство и у британской стороны – Грей вовсе не был намерен подвергать англо-русское соглашение угрозе из-за Стокса. После долгих переговоров, в ходе которых британский посланник поддерживал русского коллегу, в августе 1911 года Грей сообщил Бенкендорфу, что Стокс не получит отставки из индийской армии и, следовательно, не сможет поступить на службу к Шустеру. В то же время дело Стокса вновь выявило старое недоверие России к Англии. В записке российского Министерства иностранных дел по делу Шустера

сообщалось: «Вообще следует заметить, что в этом деле лондонский Кабинет по-видимому проявил некоторую долю неискренности в отношении нас, причем и симпатии его к Шустеру носят вполне определенный характер (пунктуация источника сохранена. – *А.Л.*)» [13, л. 79 об.].

Между тем в Каджарском Иране развивался более серьезный кризис. Свергнутый в ходе революции Мохаммад Али-шах решил предпринять попытку вернуть престол [14]. Он жил в России, в Одессе, получая пенсию от персидского правительства. Не оставляя надежд вернуть власть, он развернул агитацию в северо-восточных провинциях Персии. Профессор Ф. Казем-Заде (как и многие другие исследователи вопроса) возлагает ответственность за попытку реставрации на Россию, которой было выгодно восстановление на престоле бывшего шаха [3, р. 597–599]. Впрочем, обнаруженные на настоящий момент документы не позволяют сделать однозначного вывода о причастности российских властей к инициативе Мохаммада Али.

В середине июля 1911 года экс-шах со своими сподвижниками высадился в Астрабаде, где его встретили сторонники, и начал борьбу за престол. Официальная позиция России, к которой она призывала присоединиться и Британию, состояла в осуществлении политики строгого нейтралитета и невмешательства. Однако А. Николсон в разговоре с Бенкендорфом предложил последнему выпустить совместное заявление о том, что стороны отвергают возможность признания Мохаммада Али и поддерживают тегеранское правительство. Бенкендорф был склонен согласиться с аргументами Николсона, но Нератов в Петербурге придерживался иного мнения. Он полагал, что сторонам следует оставаться нейтральными. Косвенно это подтверждает заинтересованность России в победе экс-шаха. Так или иначе, в итоге обе стороны заявили о своем нейтралитете. Впрочем, несмотря на первоначальные успехи Мохаммада Али, осенью полководцы экс-шаха, командовавшие основными силами, потерпели ряд поражений от войск правительства в Тегеране. После этого можно говорить о том,

что самая активная фаза борьбы Мохаммада Али за шахиншахский престол подошла к концу. Тем не менее на протяжении еще нескольких месяцев бывший шах находился на территории Персии, не теряя надежды на успех. Это также порождало серьезную напряженность и дипломатические сложности между Россией и Британией, которым было необходимо согласовать позиции по вопросу о судьбе экс-шаха и движения за его реставрацию.

Интересны публикации в тегеранской прессе. Так, в связи с кризисом журналисты «Эстиклял-е Иран» полагали, что, если Мохаммад Али-шах победит, Персия, подобно Самарканду или Ташкенту, потеряет всякую независимость. По мнению публицистов, Англия убедилась на деле в невыгоде для нее соглашения 1907 года, поэтому иранцам необходимо опираться на содействие Англии, для которой независимость Персии является гарантией против вторжения России в Индию; сам же Мохаммад Али-шах, подобно Людовику XVI, должен быть казнен на площади своей бывшей столицы [9, л. 43]. В Британии должны были считаться с подобными настроениями.

Деятельность Шустера продолжала накалять обстановку. Меджлисом был объявлен вне закона брат экс-шаха Малик Мансур мирза б. Мозаффар ад-дин шах Шоа ас-Салтане, после чего Шустер наложил арест на его собственность. Однако русский генеральный консул И.Ф. Похитонов направил казаков в дом Шоа ас-Салтане и выдворил людей Шустера, мотивировав это тем, что собственность заложена в русском банке. В ходе дальнейших событий между жандармами Шустера и служащими русского консульства разгорелся конфликт из-за имущества Шоа ас-Салтане. Последовало долгое разбирательство между Шустером, Поклевским, Похитоновым и Нератовым, в ходе которого Петербург в целом поддержал действия консула. Более того, Поклевский-Козелл получил инструкцию, в соответствии с которой он должен был требовать удалить жандармов, поручить охрану дома персидским казакам под началом русских офицеров и потребовать

извинений от тегеранского правительства [15, с. 171–183].

Лондон выражал озабоченность сложившейся ситуацией. Николсон передавал через Бенкендорфа в Петербург о необходимости поиска компромисса с правительством, поскольку кризис в государстве Каджаров расшатывал позиции Грея, а давление России могло привести к падению тегеранского Кабинета и радикализации страны. В то же время между Николсоном и Бенкендорфом состоялся разговор, в ходе которого стороны пришли к выводу о необходимости удаления Шустера из Персии. Николсон признал, что выбранная Шустером тактика была неверна; впрочем, он предпочел бы добровольную отставку последнего. В это же время Шустер совершил еще одну ошибку, назначив финансовым инспектором в Табризе, в русской сфере влияния, англичанина Леккофра. Естественно, это вызвало резкую реакцию со стороны Петербурга. В этих условиях Николсон поручил Баркли выразить Шустеру неодобрение в связи с назначением Леккофра и заметил, что Правительство Его Величества рассматривает всякое назначение, неугодное России, как противоречащее духу соглашения. 29 октября (11 ноября) 1911 года Россия предъявила ультиматум, содержащий вышеупомянутые требования замены жандармов на персидских казаков и извинений перед чинами русского консульства [15, с. 222–223]. Это привело к падению тегеранского Кабинета и вводу русских войск на территорию Персии.

Интересно, что перед вводом войск Нератов обсуждал возможность оккупации с британским поверенным в делах Х. О'Берном, заметившим, что это «произведет удручающее впечатление в Лондоне и... будет означать конец нашего (русского). – А.Л.) согласия с Англией». Нератов, в свою очередь, заметил, что «от самих англичан зависит предотвратить подобную меру» со стороны России. По его словам, «им стоит лишь помочь нам сломить упорство Шустера и заставить его вести свое дело в соответствии с нашими интересами и не иначе, как с нашего одобрения и согласия» [9, л. 84].

Шустер, однако, продолжал свою работу. В ноябре 1911 года Нератов сообщал Бенкендорфу, что Шустер «начал даром раздавать народу под заглавием “добрые отношения Персии” перевод значительно к тому же дополненного его письма в “Таймс” с нападками на Россию» [9, л. 7]. 16 (29) ноября, в то время как русский отряд уже находился в государстве Каджаров, Петербург расширил ультиматум и потребовал отставки Шустера и Лекофра. Кроме того, персидское правительство должно было обязаться не принимать на службу иностранцев без предварительного согласия миссий России и Британии, а также компенсировать расходы на российскую военную экспедицию в Персию [15, с. 259–260].

Как Грей в Лондоне, так и Бьюкенен в Петербурге делали все, чтобы умирить русские требования. Так, «Бьюкенен спросил меня (Нератова. – А.Л.) затем, не согласились ли бы мы по крайней мере задержать отряд в Реште, пока положение дел в Тегеране не выяснится» [16, л. 15 об.]. Грей прилагал максимум усилий, чтобы оправдать действия России в Парламенте Великобритании. Особые опасения вызывала перспектива оккупации Тегерана, что было «англичанам крайне нежелательно». Грей призывал Нератова не идти на оккупацию. Одновременно Грей и Баркли убеждали иранцев подчиниться ультиматуму России. Однако меджлис проголосовал против, и тегеранский Кабинет подал в отставку. Позиции Грея в Парламенте серьезно пошатнулись. Британский посол в Париже вручил Сазонову меморандум, в котором Грей выражал надежду, что Россия не признает реставрации экс-шаха, если она последует. Кроме того, предлагалось договориться о приглашении в Персию финансового советника и предоставить стране совместный заем. Меморандум содержал призыв к российскому правительству вывести войска

с территории страны после того, как Тегеран выполнит требования Петербурга, а также отказаться от требования компенсации расходов военной экспедиции [15, с. 296–297]. Бьюкенен в Петербурге продолжал выступать против возможной оккупации Тегерана и реставрации Мохаммада Али. После того как вернувшийся в Петербург Сазонов принял решение смягчить некоторые формулировки требований, 8 (21) декабря 1911 года меджлис, под давлением вооруженных бахтиаров и фидаев Ефрем-хана, принял русский ультиматум [15, с. 370–371].

В каком-то смысле кризис завершился, хотя далеко не все вопросы были разрешены. Меджлис был распущен, а Шустер – уволен и вскоре покинул Персию, хотя другие американцы еще некоторое время оставались в стране. Соглашение 1907 года было сохранено.

Почему позиция англичан в отношении Шустера оказалась более умеренной? В числе прочих причин можно назвать и те, что указывал Поклевский-Козелл: «Вследствие особых отношений к Соединенным Штатам Англии трудно открыто выступать против назначений Шустера, также и неловко самостоятельно препятствовать проектам английской фирмы» [9, л. 71 об.]. И в то же время, как видно из всего вышесказанного, стремление сохранить отношения с Россией было доминирующим. По словам Поклевского, из Лондона «Барклаю неоднократно указывали за последнее время, что перед соглашением с Россией должны уступить все другие соображения» [9, л. 71 об.]. Видна противоречивость британской политики в Персии и русско-британских отношений в стране накануне Первой мировой войны. Совершенно очевидно стремление Грея сохранить англо-русскую конвенцию любой ценой. Но факт, что даже малозначительные эпизоды и противоречия приводили к серьезным кризисам, говорит о том, насколько хрупким был баланс.

Список литературы

1. *Сергеев Е.Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2012. 454 с.
2. *Churchill R.P.* The Anglo-Russian Convention of 1907. Cedar Rapids: Torch Press, 1939. 365 p.

3. Kazemzadeh F. *Russia and Britain in Persia, 1864–1914: A Study in Imperialism*. New Haven: Yale University Press, 1968. 711 p.
4. Nazem H. *Russia and Great Britain in Iran (1900–1914): Based on British, French, German, Iranian, Russian, and the United States Diplomatic Documents*. Tehran: Sherkat Iran Chap (Rouznameh Ettela'at), 1975. 201 p.
5. Siegel J. *Endgame: Britain, Russia and the Final Struggle for Central Asia*. London: Tauris, 2002. 273 p.
6. Greaves R. Some Aspects of the Anglo-Russian Convention and Its Working in Persia, 1907–14—I // *Bull. Sch. Orient. Afr. Stud.* 1968. Vol. 31, № 1. P. 69–91. DOI: [10.1017/S0041977X00112790](https://doi.org/10.1017/S0041977X00112790)
7. *British Documents on the Origins of the War, 1898–1914*. Vol. 10, pt. 1. London, 1936.
8. Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии. Вып. 6 (с 1 января по 30 июня 1911 г.). СПб., 1913. 208 с.
9. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 144. Оп. 489. Д. 3856.
10. Медведик И.С. Деятельность британского Персидского комитета в зеркале российской прессы (конец 1911 – начало 1912 г.) // *Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики*. 2017. № 10-2(84). С. 102–104.
11. Медведик И.С. Деятельность британского Персидского комитета в связи с англо-российским соперничеством в Персии (1908–1913 гг.) // *Манускрипт*. 2018. № 12-1(98). С. 45–48. DOI: [10.30853/manuscript.2018-12-1.9](https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-1.9)
12. Bonakdarian M. The Persia Committee and the Constitutional Revolution in Iran // *Br. J. Middle East. Stud.* 1991. Vol. 18, № 2. P. 186–207.
13. АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 2986.
14. Ларин А.Б. «При громе орудий и радостных криках толпы шах въехал в Астрабад»: Россия, Британия и попытка реставрации Мохаммад Али-шаха // *Электрон. науч.-образоват. журн. «История»*. 2018. Т. 9, вып. 8(72). URL: <http://history.jes.su/s207987840002504-3-1> (дата обращения: 21.12.2018).
15. Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии. Вып. 7 (с 1 июля по 31 декабря 1911 г.). СПб., 1913. 439 с.
16. АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 3866.

References

1. Sergeev E.Yu. *Bol'shaya igra, 1856–1907: mify i realii rossiysko-britanskikh otnosheniy v Tsentral'noy i Vostochnoy Azii* [The Big Game, 1856–1907: Myths and Realities of Anglo-Russian Relations in Central and East Asia]. Moscow, 2012. 454 p.
2. Churchill R.P. *The Anglo-Russian Convention of 1907*. Cedar Rapids, 1939. 365 p.
3. Kazemzadeh F. *Russia and Britain in Persia, 1864–1914: A Study in Imperialism*. New Haven, 1968. 711 p.
4. Nazem H. *Russia and Great Britain in Iran (1900–1914): Based on British, French, German, Iranian, Russian, and the United States Diplomatic Documents*. Tehran, 1975. 201 p.
5. Siegel J. *Endgame: Britain, Russia and the Final Struggle for Central Asia*. London, 2002. 273 p.
6. Greaves R. Some Aspects of the Anglo-Russian Convention and Its Working in Persia, 1907–14—I. *Bull. Sch. Orient. Afr. Stud.*, 1968, vol. 31, no. 1, pp. 69–91. DOI: [10.1017/S0041977X00112790](https://doi.org/10.1017/S0041977X00112790)
7. *British Documents on the Origins of the War, 1898–1914*. Vol. 10. Pt. 1. London, 1936.
8. *Sbornik diplomaticheskikh dokumentov, kasayushchikhsya sobytiy v Persii. Вып. 6 (s 1 yanvarya po 30 iyunya 1911 g.)* [Collection of Diplomatic Documents Concerning the Events in Persia. Iss. 6 (from January 1 to June 30, 1911)]. St. Petersburg, 1913. 208 p.
9. *Foreign Policy Archives of the Russian Empire (FPARE)*. Coll. 144. Inv. 489. Fol. 385b (in Russ.).
10. Medvedik I.S. Deyatel'nost' britanskogo Persidskogo komiteta v zerkale rossiyskoy pressy (konets 1911 – nachalo 1912 g.) [Activity of British Persia Committee as It Is Viewed by the Russian Press (the End of 1911 – the Beginning of 1912)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, no. 10-2, pp. 102–104.
11. Medvedik I.S. Deyatel'nost' britanskogo Persidskogo komiteta v svyazi s anglo-rossiyskim sopernichestvom v Persii (1908–1913 gg.) [Activity of British Persia Committee in Relation to Anglo-Russian Rivalry in Persia (1908–1913)]. *Манускрипт*, 2018, no. 12-1, pp. 45–48. DOI: [10.30853/manuscript.2018-12-1.9](https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-1.9)

12. Bonakdarian M. The Persia Committee and the Constitutional Revolution in Iran. *Br. J. Middle East. Stud.*, 1991, vol. 18, no. 2, pp. 186–207.

13. *FPARE*. Coll. 144. Inv. 489. Fol. 298b (in Russ.).

14. Larin A.B. “Pri grome orudiy i radostnykh krikakh tolpy shakh v”ekhal v Astrabad”: Rossiya, Britaniya i popytka restavratsii Mokhammad Ali-shakha [“To the Thunder of Cannon and Joyous Shouts of the Crowd the Shah Entered Astarabad”: Russia, Britain and the Attempt to Restore Mohammad Ali Shah]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel’nyy zhurnal “Istoriya”*, 2018, vol. 9, no. 8. Available at: <http://history.jes.su/s207987840002504-3-1> (accessed: 21 December 2018).

15. *Sbornik diplomaticheskikh dokumentov, kasayushchikhsya sobyitiy v Persii. Vyp. 7 (s 1 iyulya po 31 dekabrya 1911 g.)* [Collection of Diplomatic Documents Concerning the Events in Persia. Iss. 7 (from July 1 to December 31, 1911)]. St. Petersburg, 1913. 439 p.

16. *FPARE*. Coll. 144. Inv. 489. Fol. 386b (in Russ.).

DOI: 10.37482/2687-1505-V083

Andrey B. Larin

Institute of World History, Russian Academy of Sciences;
prosp. Leninskiy 32 a, Moscow, 119334, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4932-3997> e-mail: ab-larin@mail.ru

THE UPS AND DOWNS OF THE AGREED COURSE: RUSSIA, BRITAIN AND THE PERSIAN CRISIS OF 1911

This article covers the interaction between Russia and Great Britain on the Persian Question in 1911, when a number of internal and external factors caused a serious political crisis in Qajar Iran, which directly affected international relations in the Middle East. In late 1910 – early 1911, the Persian government initiated an invitation of foreign experts to reorganize the finances of Qajar Iran. As a result of a rather complex discussion between St. Petersburg, London and Tehran, it was decided to invite a group of American specialists headed by William Morgan Shuster, an American financial adviser who had previously been involved in similar activities in the Philippines. This choice was later proven unfortunate: in many ways, it was Shuster’s approach that provoked the emergence and contributed to the deepening of the 1911 crisis. In addition, the paper considers the main factors and stages of development of the crisis, Shuster’s role in the events, St. Petersburg’s and London’s policies on the issue, as well as the differences in the approaches of Russian and British diplomacy to its resolution. It is demonstrated that in the face of a significant threat to the Anglo-Russian Convention of 1907, the Foreign Office (represented by Sir Edward Grey) displayed a willingness to make compromises on the Persian Question in order to prevent a break in diplomatic relations with Russia. At the same time, the crisis clearly demonstrated how fragile the balance of positions of the two Powers in the region was and how easily even a regional conflict can jeopardize the relationship between the two Powers in a wider context.

Keywords: *Persian Question, Qajar Iran, Anglo-Russian diplomatic relations, Russia’s foreign policy, Great Britain’s foreign policy, A.A. Neratov, Edward Grey, William Morgan Shuster.*

Поступила: 13.10.2020

Принята: 23.03.2021

Received: 13 October 2020

Accepted: 23 March 2021

For citation: Larin A.B. The Ups and Downs of the Agreed Course: Russia, Britain and the Persian Crisis of 1911. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2021, vol. 21, no. 2, pp. 11–19. DOI: 10.37482/2687-1505-V083